УДК 321.01:001.5(477.75) DOI: 10.22394/2071-2367-2020-15-5-182-197

РЕЛИГИОЗНЫЕ ЭКСТРЕМИСТСКИЕ НАСТРОЕНИЯ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ (НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВЕСНЫ 2020 ГОДА)

***Слобожникова В.С., Суслов И.В.*[1]**

Аннотация. Цель статьи – определить уровень распространения и структуру религиозно-экстремистских настроений в регионе.

В статье выявлены важнейшие показатели состояния религиозной безопасности в Нижнем Поволжье на основе данных массового репрезентативного эмпирического опроса (в форме анкетирования), проведённого весной 2020 г. с помощью интернет-ресурсов.

В результате исследования аторы приходят к выводу, что с одной стороны, зафиксировано в целом негативное отношение регионального сообщества к религиозному экстремизму; с другой – ряд показателей (около 3% ощущают угрозу для своей веры и веры своей семьи, около 4% допускают применение насилия при нарушении справедливости в отношении их веры, 0,5% относятся к убийству людей как священному действию) свидетельствует о наличии религиозных экстремистских настроений и действий в Нижнем Поволжье.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00389 «Религиозная безопасность в Нижнем Поволжье: современное состояние и технологии стабилизации»

Ключевые слова: религиозная безопасность, Нижнее Поволжье, религиозные экстремистские настроения, светскость, угрозы религиозной безопасности.

Слобожникова Валентина Сергеевна – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой истории, политологии и социологии; Саратовская государственная юридическая академия, адрес: 410056, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1 , e-mail: k_isps@ssla.ru

Суслов Иван Владимирович – кандидат социологических наук, доцент кафедры истории, политологии и социологии; Саратовская государственная юридическая академия, 410056, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1, e-mail: ivan.suslov@socpolicy.ru

RELIGIOUS EXTREMIST MOODS IN THE LOWER VOLGA REGION (ON THE MATERIALS OF THE SPRING 2020 SOCIOLOGICAL STUDY)

SLOBOZHNIKOVA V. S. – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of History, Political Science and Sociology, Saratov State Law Academy (Russian Federation, Saratov), e-mail: k_isps@ssla.ru

SUSLOV I. V. – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of History, Political Science and Sociology, Saratov State Law Academy (Russian Federation, Saratov), e-mail: ivan.suslov@socpolicy.ru

Abstract. The purpose of the article is to determine the level of distribution and structure of religious extremist sentiments in the region.

The article identifies the most important indicators of the religious security state in the Lower Volga region on the basis of data from a massive representative empirical survey (in the form of a questionnaire) conducted by the team of the Department of History, Political Science and Sociology of the Saratov State Law Academy in the spring of 2020 using Internet resources. As a result of the research, the organizers come to the conclusion that, on the one hand, a generally negative attitude of the regional community towards religious extremism was recorded; on the other hand, a number of indicators (about 3% feel a threat to their faith and the faith of their family, about 4% admit the use of violence in violation of justice in relation to their faith, 0.5% refer to the murder of people as a sacred act) indicates the presence religious extremist sentiments and actions in the Lower Volga region.

The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific № 19-011-00389 "Religious security in the Lower Volga region: current state and technologies of stabilization".

Keywords: religious security, Lower Volga region, religious extremist sentiments, secularism, threats to religious security.

Введение

Обеспечение безопасности, в том числе и религиозной, в современных условиях можно отнести к одной из самых серьёзных озабоченностей многих стран в мире, поэтому не случайно изучение фундаментализма, фанатизма, терроризма и экстремизма как отдельно, так и в различных контекстах активно развивается и, по сути, выделилось в направление исследования угроз религиозной безопасности[1]. Терроризм и экстремизм анализируются современной наукой как явления системного

[1] Слобожникова В.С. Концептуализация угроз религиозной безопасности в исследовательских практиках современной России // Вестник СГЮА. 2019. –№ 6. –С. 258–259.

характера[1].

В науке наработан определённый арсенал подходов к выявлению религиозных экстремистских настроений. Следуя достаточно распространённому подходу, можно внедрять агентов в уже существующие экстремистские организации[2] или причислить к проблемной категории граждан тех, кто уже был осуждён за терроризм[3]. Можно прибегнуть к психологическим методам, позволяющим по вербальным и невербальным признакам выявить подозрительных индивидов с последующей их разработкой органами безопасности[4].

В данной статье проанализированы результаты массового репрезентативного эмпирического опроса (в форме анкетирования), проведённого с помощью интернет-ресурсов весной 2020 г. В ходе социологического исследования ставились 2 задачи: выявить сам факт наличия религиозных экстремистских настроений и определить уровень их распространения.

Методология исследования. За исходное для выявления экстремистских настроений в обществе предлагается взять следующее содержание религиозного экстремизма: «возбуждение религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по религиозной принадлежности или отношению к религии; нарушение прав, свобод, законных интересов человека и гражданина в зависимости от религиозной принадлежности или отношения к религии; совершение преступления по мотивам религиозной ненависти или вражды»[5].

Выборка для массового опроса формировалась по схеме стратифицированной выборки с организацией ступеней по территориальному принципу. Были опрошены представители Астраханской области (184 респондента), Волгоградской (307) и Саратовской (609). На последней ступени отбора применялась квотная выборка (квотирование по конфессиональной структуре взрослого населения).

---

[1] Хохлов И.И. Социетальная теория терроризма: Социально- экономические и психологические предпосылки формирования паттернов террористического поведения // Политическая наука. – 2018. –№ 4. –С. 35–36.

[2] Кудрявцев А.В., Рузевич О.Р. Особенности выявления и предупреждения преступлений экстремистской направленности // Вестник Национального антитеррористического комитета. – 2016. –№ 2. – С. 104–107.

[3] Кашироков З.К., Уначев А.Х. Об опыте работы антитеррористической комиссии в Кабардино-Балкарской Республике по организации адресной профилактической работы с категорией лиц, наиболее подверженных идеологии терроризма // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2018. – № 2. –С. 25–29.

[4] Иерусалимцева О.В. Выявление потенциально опасных лиц в образовательной организации с помощью технологии «профайлинг» // Вестник Национального антитеррористического комитета. – 2019. – № 2. –С.54–56.;6. Косяченко В.И., Жуланов А.В. Особенности организации и проведения мероприятий по выявлению, обезвреживанию и ликвидации террористов-смертников // Вестник Волгоградской академии МВД России. –2016. –№ 2. –С. 127–132.

[5] Расторгуев С.В. Экстремизм в молодежной среде современной России: Виды, факторы распространения, мягкие технологии профилактики // Политическая наука. М., 2018. –№ 4. – С. 129.

Конфессиональные квоты приблизительно соответствуют конфессиональной структуре населения Нижнего Поволжья.

Оценка религиозных экстремистских настроений в Нижнем Поволжье

Для определения уровня религиозных экстремистских настроений в Нижнем Поволжье использовалось несколько подходов, что связано с трудностью выявления этого вида настроений, так как практически все осознают их опасность и при переходе в действия наказуемость. Латентность религиозно-экстремистских настроений и является главной проблемой в их изучении и выявлении, что предполагает использование ряда подходов.

Первый подход. Экстремистские настроения относятся к категории радикальных, что включает в себя неприятие существующего общественно-политического порядка, основы которого закладываются законодательством. С точки зрения религиозных экстремистских настроений к ключевым основам современной российской государственности можно отнести принцип светскости, который выражается прежде всего в отделении религии от государства, что означает на практике автономное существование религиозного мира как составной части гражданского общества. Религиозный экстремизм стремится сделать государство конфессиональным, а так как каждая религия предлагает единственно возможный истинный путь спасения человека, то – моноконфессиональным. С. В. Рыжова, опираясь на опрос в Башкирии (2015 года), рассматривает сильное проявление политических религиозных ориентаций в среде мусульманской молодёжи как фактор риска для гражданской консолидации[1]. Среди поддерживающих создание религиозных партий оказалось 7% согласившихся с утверждением, что «вооружённые защитники чистоты веры – настоящие герои, которые заслуживают уважения» (против 2,6% в среднем среди населения региона).

Вопрос об отношении к светскости можно отнести к ключевым в определении мироощущения индивида: религиозно-экстремистское или не религиозно-экстремистское. Так как религиозные экстремистские настроения могут формироваться только у глубоко верующих людей, то неприятие принципа светскости является основой мировоззрения религиозных экстремистов.

В рамках первого подхода в выявлении мировоззренческой основы религиозных экстремистских настроений в Нижнем Поволжье было предложено опрошенным определиться с отношением к принципу светскости нашего государства, закреплённому в Конституции РФ.

Сравнение данных по двум предложенным утверждениям позволило приблизиться к выявлению реальных мировоззренческих установок респондентов.

Результаты показали, что расчёт оказался верным, полученные данные отличались. Если абсолютно не согласны со светскостью государства 5,0%

[1] Рыжова С.В. Этноконфессиональная идентичность и формирование религиозных политических ориентаций // Социологические исследования. 2015. – № 10. – С. 136– 144.

опрошенных, то считают, что сильным и справедливым может быть только государство с религиозной идеологией 7,7%.

Если прибавить близкие позиции (скорее не согласен и скорее согласен), то получится, что 14,8% – 21,2% населения региона за государство с религиозной идеологией. При этом доля тех, кто затруднился с ответом, также увеличилась на 6%, что потенциально расширяет базу сторонников десекуляризации.

Таблица 1 – Отношение к светскости и конфессиональности государства в Нижнем Поволжье

Table 1 – Attitude towards the secularity and confessionality of the state in the Lower Volga region

	Полностью согласен	Скорее согласен	Скорее не согласен	Абсолютно не согласен	Затрудняюсь ответить
Государство должно быть светским, религия не должна вмешиваться в повседневную жизнь людей	54,0 %	22,0 %	9,8 %	5,0 %	9,3 %
Сильным и справедливым может быть только государство с религиозной идеологией	7,7%	13,5%	18,5%	44,6%	15,7%

Полагаем, что эту позицию нельзя отнести к религиозно-экстремистской, но, с одной стороны, она может стать косвенным индикатором потенциальной склонности респондента к сочувствию и поддержке экстремистских организаций, разделяющих радикальные религиозные идеи, а с другой, – показать существующий уровень социально-религиозных противоречий. Следует отметить, что увеличение (при изменении формулировки вопроса) на 6,4% сторонников десекуляризации происходит за счёт респондентов, исповедующих православие и ислам, которые, видимо, более расположены к этноконфессиональной мобилизации через апелляцию к идеям наведения сильным государством порядка и справедливости. Наименьшее одобрение секулярных ценностей встречается опять же у респондентов-мусульман, что может привлекать политических антрепренёров, спекулирующих на возможностях и опасностях этноконфессиональной мобилизации. Эти данные также позволяют судить об уровне политической идентичности, роли и значении религиозного фактора в формировании гражданственности в изучаемом регионе.

В рамках второго подхода были поставлены прямые вопросы о существовании угрозы религиозной безопасности для человека, его веры и его семьи, что позволило выявить наличие угроз религиозной безопасности как для верующих, так

и для атеистов.

Таблица 2 – Ощущения угрозы религиозной безопасности среди населения Нижнего Поволжья

Table 2 – Feelings of threat to religious security among the population of the Lower Volga region

	Полностью согласен	Скорее согласен	Скорее не согласен	Абсолютно не согласен	Затрудняюсь ответить
Для меня нет угрозы религиозной безопасности	53,6%	26,9%	6,9%	2,8%	9,8%
Для моей семьи нет угрозы религиозной безопасности	53,8%	28,0%	6,2%	2,8%	9,2%
Для моей веры нет угрозы	53,7%	24,8%	6,2%	2,9%	12,4%
Для моего атеизма нет угрозы	33,4%	16,5%	7,9%	10,0%	32,2%

Фиксируют полностью отсутствие угрозы религиозной безопасности для себя, своей семьи и веры около 54% опрошенных. Скорее согласны с утверждением, что нет названных угроз, 25 – 28%. Скорее не согласны с отсутствием угроз 6 – 7%. Полученные данные показали, что 2,8% ощущают угрозу своей религиозной безопасности, 2,8% – угрозу для своей семьи, 2,9% – угрозу для своей веры. То есть около 3% респондентов ощущают угрозу религиозной безопасности для себя, своей семьи и своей веры. Практически в три раза большие показатели (10%) в отношении атеистов свидетельствуют о напряжённости отношений религиозного и светского миров современного российского общества. Только 33,4% не ощущают угрозы для своего атеизма. Вместе с теми, кто скорее согласен с этим утверждением, получается около 50%. Среди атеистов и больше всего затруднившихся с определением наличия или отсутствия угрозы своему атеизму – 32,2%. Эти данные свидетельствуют, что верующие люди в целом чувствуют себя более комфортно (около 80%), чем атеисты (50%), с точки зрения отсутствия угроз религиозной безопасности для себя, своей семьи, своей веры или неверия. Это можно объяснить расширением пространства, охваченного религиозностью, наступательной активностью верующих в стремлении осчастливить неверующих, постоянным присутствием религиозной тематики в информационном пространстве, в определённой степени политизацией религии и религизацией политики. Этот подход позволил выявить наличие угроз религиозной безопасности в Нижнем Поволжье.

Третий подход к выявлению уровня экстремистских настроений в обществе предполагает анализ опыта респондентов, столкнувшихся с негативными проявлениями по отношению к иному вероисповеданию. Респонденты могли выбрать

несколько вариантов ответов. Средний выбор составил 1,4. Если учесть, что почти 50% опрошенных с негативным отношением не сталкивались, то получается, что те, которые сталкивались, выбрали в среднем по два варианта негативных проявлений (табл.3).

С позиции распространённости религиозных экстремистских настроений следует обратить внимание на показатели негативных действий. Драки, хулиганские действия, насильственные столкновения на религиозной почве отметили 10,4% опрошенных. О наличии убийств на религиозной и национальной основе заявили 4,3%. Если сравнить ответы разных возрастных когорт, то окажется, что молодёжь (от 18 до 30 лет) и пожилые люди старше 65 лет чаще остальных обращают внимание на проявления нетерпимости и насилия на религиозной почве. Молодые россияне и пенсионеры оказываются наиболее вовлечёнными, чувствительными к нетолерантности, возможно склонными к экстремистским методам восстановления справедливости, а значит, и требующими большего внимания со стороны правоохранительных органов.

Количественное и качественное сравнение показателей Астраханской, Волгоградской и Саратовской областей по вопросу религиозно-экстремистских проявлений не выявило существенных различий (максимальное региональное расхождение в ответах составило всего 2,8%, которыми, следуя социологическим меркам, можно пренебречь).

Таблица 3 – Проявления негативного отношения к вере в Нижнем Поволжье (% и количество респондентов, сталкивавшихся с негативным отношением)

Table 3 – Manifestations of negative attitude towards faith in the Lower Volga region (%% and the number of respondents who faced negative attitude)

Критерий	%%	Количество человек
Со словесными оскорблениями из-за конфессиональной принадлежности	29,8%	327
С высказываниями на сайтах, блогах, в социальных сетях, оскорбляющими чувства верующих	29,5%	324
С драками, хулиганскими действиями, насильственными столкновениями на религиозной почве	10,4%	114
С публикациями, оскорбляющими чувства верующих	9,6%	105
С теле- и радиопередачами, пропагандирующими враждебное отношение к людям других конфессий	5,8%	64
С лозунгами, публичными выступлениями, провоцирующими враждебное отношение к людям других конфессий	4,8%	53
С убийствами на религиозной и национальной почве	4,3%	47
Ни с чем вышеперечисленным не сталкивался	49,9%	547

Хотя анализ результатов по другим вопросам показал, что респонденты Саратовского региона, в отличие от жителей Астрахани и Волгограда, демонстрируют меньше интереса и знаний об угрозах религиозной безопасности. Астраханская область отличается большей религиозностью населения, а также высоким уровнем озабоченности угрозами, связанными с религиозной сферой.

Подтверждается также вывод о том, что верующие (прихожане РПЦ и мусульмане) чувствуют себя более комфортно и замечают гораздо меньше проявлениё нетерпимости на религиозной почве по сравнению с представителями прочих религиозных деноминаций. Действительно, наиболее часто нетерпимость и насилие на религиозной почве замечали атеисты и христиане малочисленных групп. Атеисты оказались настроены наиболее скептически и негативно по многим показателям. Например, реже всех отмечали наличие доброжелательных отношений между конфессиями в регионе. Среди них был также самый высокий процент затруднившихся ответить. Также атеисты достаточно часто указывали на враждебное отношение, связанное с религиозными убеждениями. Однако с нарушением прав и дискриминацией за последний год атеисты сталкивались редко. Таким образом, атеисты Нижнего Поволжья проявили открытое недовольство доминированием религиозного мира в общественных отношениях. Данная группа предстаёт в роли объекта системы религиозной безопасности, который под давлением трансформируется в субъекта, протестующего против процессов десекуляризации.

При допущении, что причиной распространения религиозных экстремистских настроений может стать оскорбление чувств верующих, важно выявить отношение к этому явлению в общественном сознании. Исследование показало, что болезненно к факту оскорбления чувств верующих относятся 24,2%, скорее согласны с тем, что чувства верующих можно оскорбить, 20,7%. Эти показатели свидетельствуют о достаточно высоком уровне готовности эмоционально отреагировать на оскорбления чувств верующих. Только 26,4% опрошенных заявили, что чувства верующих оскорбить невозможно, и 15,7% скорее согласны с этим мнением. Получается, что только 42,1% или не видят в этом проблемы, или почти не видят. Если эти данные сопоставить с показателями опрошенных, которые не сталкивались с проявлениями негативного отношения к вере (49,9%), то они близки. Разница свидетельствует о том, что часть не знающих о негативных проявлениях считает, что чувства верующих возможно оскорбить.

Этот подход позволил выявить степень распространения религиозных экстремистских настроений и в определённой степени уровень их распространения.

Атмосферу религиозного мира во многом определяют отношения между верующими различных конфессий. Четвёртый подход состоял в выявлении возможности использования насилия при разрешении религиозных споров, что

предопределяется сущностной характеристикой религиозного экстремизма и внутренней готовностью индивида к этому характеру общественного поведения. Насколько приемлемо применение насилия в межконфессиональных спорах, конфликтах?

Как свидетельствуют полученные данные (табл.4), 4,1% опрошенных абсолютно не согласны с недопустимостью насилия в межрелигиозных спорах, то есть они допускают применение насилия. В то же время 3,9% допускают насилие при нарушении справедливости в отношении их веры. Сложение мнений абсолютно не согласных и скорее не согласных в первом случае и полностью согласных и скорее согласных – во втором даёт показатели 5,5% и 10,8%. Это позволяет сделать вывод, что допускают насилие в случае нарушения справедливости в отношении к своей вере в 2 раза больше людей, чем применение насилия в межрелигиозных спорах. Во время опроса в Ульяновске и Пензе в 2015 году оказалось, что ещё более значительная доля населения (а именно 47,3% русских, 33,3% татар и 54,1% мордвы) потенциально готова на применение силы в случае, если нарушается справедливость в отношении вашего народа и веры[1] . Объяснить, на наш взгляд, это можно двумя причинами. Во-первых, нарушение справедливости в отношении своей веры они предполагают не со стороны других религиозных организаций, а со стороны политических институтов в случае изменения религиозной политики в стране. Во-вторых, защита своей веры для верующих ближе и понятнее, чем межрелигиозные споры.

Таблица 4 – Отношение к применению насилия в межрелигиозных спорах в Нижнем Поволжье

Table 4 – Attitude towards the use of violence in interreligious disputes in the Lower Volga region

	Полностью согласен	Скорее согласен	Скорее не согласен	Абсолютно не согласен	Затрудняюсь ответить
Насилие в межрелигиозных спорах недопустимо	84,1%	8,5 %	1,4 %	4,1 %	1,9 %
Насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моей веры	3,9 %	6,9 %	17,5 %	63,3 %	8,4 %

[1] Дробижева Л. М. Потенциал благоприятных отношений в областях Приволжского региона (по результатам социологического исследования) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. – № 3. – С. 64–72.

С точки зрения уровня образования респондентов очень серьёзных различий по этому вопросу не наблюдается. Полностью согласных с утверждением, что насилие в межрелигиозных спорах недопустимо, среди имеющих среднее образование – 86,9%, среднее профессиональное – 81,5%, высшее – 84,3%. Вместе со скорее согласными в первом случае – 92,9%, во втором – 92,4%, в третьем – 92,8%. Абсолютно не согласных с этим утверждением респондентов со средним образованием – 4,8%, со средним профессиональным – 2,2%, с высшим – 4,2%. Вместе со скорее не согласными в первом случае – 4,8%, во втором – 4,4%, в третьем – 5,6%. Эти данные позволяют сделать вывод, что подавляющее большинство населения вне зависимости от уровня образования отрицательно относится к применению насилия как средству разрешения межконфессиональных конфликтов.

Пятый подход позволил выявить мировоззренческую внутреннюю готовность участия в экстремистских и террористических действах, что логично вписывается в определение этого характера настроений. При составлении вопросов учитывались разработки ряда исследователей, которые изучают различия между «светским» терроризмом и «религиозным» и предложили качественные характеристики носителей этих явлений. Среди этих работ обращает на себя внимание статья И.В. Кудряшовой, в которой автор, сопоставляя и критически анализируя основные теоретико-методологические подходы, представила характеристики светских и религиозных террористов на основании анализа мотивации и поведения[1].

Для выявления уровня экстремистских настроений среди населения Нижнего Поволжья мы включили в социологический опрос для выбора респондентами характеристики, свойственные террористам («светским» и «религиозным»), и утверждения, вообще не характерные для террористического и экстремистского мировоззрения. В ходе социологического опроса было предложено отметить правильные ответы с точки зрения респондента. Подсчёты показали, что опрашиваемые в среднем отмечали около 6 вариантов (5,6).

Так, характеристики для «светских» террористов дали следующие результаты: политическую систему необходимо и можно изменять, заменять новой – 49,9%; насилие в обществе должно быть строго ограничено – 36,6%; убийство людей допустимо – 8,3%; в поведении и поступках человек руководствуется интересами группы людей – 18,5%; люди, которые не разделяют Ваших взглядов, не всё понимают – 7,2%; люди, которые не разделяют Ваших взглядов, вредны – 0,7%; Вы хотите, чтобы людей, которые думают, как Вы, было как можно больше –

[1] Кудряшова И.В. Религия и подъем «религиозной волны» современного терроризма // Российская общественно-гуманитарная наука перед вызовами современности: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (25-26 января 2019 г., Саратов) / под ред. В.С. Слобожниковой, И.В. Суслова. – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019. – С. 113– 121.

29,8%; – Вы хотите справедливого порядка для большего числа людей – 53,3%. Анализ ответов различных конфессиональных групп показал, что светские характеристики терроризма действительно больше присущи атеистически настроенным респондентам. Например, верующие (православные и мусульмане) менее всего склонны менять политическую систему, строго ограничивать насилие и распространять свои взгляды в обществе. Согласие с необходимостью и возможностью политических перемен и в то же время с необходимостью строго ограничить насилие, а также стремление убедить окружающих в своей правоте продемонстрировали почти на 10% больше атеистов, чем в среднем по выборке.

Использование характеристик «религиозных» террористов показало: – в отношении к миру необходимо руководствоваться понятиями добра и зла – 33,0 %; – насилие можно оправдать великими и благородными целями и задачами – 6,2 %; – убийство людей – это священное действие, которое помогает людям – 0,5 %; – в поведении и поступках человек руководствуется своими интересами – 45,2%; – в поведении и поступках человек руководствуется своей верой – 17,0%; люди, которые не разделяют Ваших взглядов, опасны – 1,3%; люди, которые не разделяют Ваших взглядов, вредны – 0,7 %; Вам не важно, сколько людей, которые разделяют Ваши идеи – 32,8%; главное – делать добро для себя и своих самых близких людей – 25,0%. Любопытно, но анализ по отдельным конфессиональным группам показал, что религиозным характеристикам террористов чаще всего соответствуют атеисты, которые чаще православных и мусульман соглашались с тем, что насилие можно оправдать. Но чаще всего насилие считали возможным оправдать внеконфессиональные верующие.

С тезисом «Вам не важно, сколько людей, которые разделяют Ваши идеи» православные и мусульмане соглашались на 5–6% реже, а на 4–7% чаще, чем в среднем по выборке. При этом чаще всего (почти в половине случаев) с данным тезисом солидаризировались верующие малочисленных конфессий. Более того, среди наших респондентов экстремистский, радикальный тезис «люди, которые не разделяют Ваших взглядов, вредны» выбрали восемь человек, а опасны – четырнадцать. При этом половина из них оказались атеистами!

Характеристики, не относящиеся к террористическому и экстремистскому мировоззрению: убийство людей недопустимо – 69,2%; в поведении и поступках человек руководствуется интересами страны – 16,0%; в поведении и поступках человек руководствуется интересами всего человечества – 19,9%; люди, которые не разделяют Ваших взглядов, достойны уважения – 28,4%. Не согласных с предложенными вариантами оказалось 2,6%. Следует обратить внимание, что с тезисом «Убивать людей допустимо» согласилось всего 5% православных и мусульман, но 17% атеистов и 20% верующих малочисленных конфессий!

Результаты показали, что каждая конкретная особенность может быть характеристикой не только принадлежности к экстремистам и террористам. Ведь в

нашем случае объект изучения – это взрослое население Нижнего Поволжья.

Предложенная исследователями характеристика террористов включает учёт представительства интересов: своих, группы людей, страны, всего человечества, своей веры. В поведении и поступках руководствуются интересами: всего человечества – 19,9%, страны – 16,0%, группы людей – 18,5%, своими интересами – 45,2%, своей веры – 17,0%. Почти 36% населения региона интересы мира и страны ставят выше своих собственных. Для почти половины свои собственные интересы стоят на первом месте. Полагаем, что близкие показатели по учёту интересов группы людей (18,5%) и своей веры (17,0%) могут свидетельствовать не столько о распространении экстремистских настроений в регионе, сколько об уровне глубины веры и степени религиозной корпоративности. При этом справедливого порядка для большого числа людей хотят 53,3% опрошенных, а тех, кто считает, что главное – делать добро для себя и своих самых близких людей, – 25,0%.

Важным показателем в характеристике экстремистского настроения, на наш взгляд, является отношение к другим людям. Опрашиваемым были предложены разные варианты отношения к людям, которые не разделяют Ваших взглядов, и получены следующие результаты: – достойны уважения – 28,4%; – не все понимают – 7,2%; – опасны – 1,3%; – вредны – 0,7%. Толерантны почти 30% населения. Опосредованно об экстремистском мировоззрении может свидетельствовать показатель 1,3% тех, кто считает опасными людей, не разделяющих их взглядов, и 0,7% – вредными.

С экстремизмом и терроризмом сущностно связано применение насилия. Исследование показало, что 56,2% считают, что насилия в обществе не должно быть вообще, то есть более половины респондентов не принимают насилие как явление общественной жизни. За строгое ограничение насилия в обществе высказались 36,6%. Потенциальную предрасположенность к экстремистским действиям выявляет оправданность насилия великими и благородными целями и задачами с результатом 6,2%.

Крайней формой насилия является убийство людей. О недопустимости убийства людей заявили 69,2%. 8,3% допускают убийство людей. Убийство людей относят к священному действию, которое помогает людям, 0,5%. Почти 70% опрошенных считают недопустимым убийство людей. Можно сделать несколько выводов: – эти люди против смертной казни как меры наказания за совершённые преступления; – осуждение экстремизма и терроризма; – неприятие войны и военных действий как средства решения межгосударственных и внутригосударственных проблем. Показатель допустимости убийства людей (8,3%) может быть связан с принятием смертной казни, выполнением долга по защите страны и обеспечению её безопасности, участием в террористических и экстремистских образованиях, и не только религиозного характера. И только, на

наш взгляд, представление об убийстве людей как священном действии отвечает характеристике религиозного экстремистского настроения, которое составило 0,5% опрошенных.

Полагаем, что такой выбор, как: восприятие убийства как священного действа, отсутствие ограничений на насилие, убеждённость в действиях от имени Бога, абсолютно совпадает с религиозным экстремистским мировоззрением, даже если человек не перешёл к практической реализации своих убеждений. Названные характеристики убеждения должны стать критерием для верующих и всего общества в распознании опасности религиозного экстремизма.

Таким образом, в ходе выявления распространения религиозных экстремистских настроений в Нижнем Поволжье решались две задачи: с одной стороны, необходимо было выявить сам факт наличия таких настроений, а с другой – определить уровень их распространения.

Для этого нами использовалось пять подходов: 1. отношение к принципу светскости нашего государства; 2. существование угрозы религиозной безопасности для человека, его веры и веры его семьи; 3. наличие в регионе проявлений негативного отношения к вере; 4. возможность использования насилия при разрешении религиозных споров; 5. выявление мировоззренческой внутренней готовности участия в экстремистских и террористических действах с помощью использования характеристик, свойственных для «светских» и «религиозных» террористов.

В целом около 3% опрошенных заявили об ощущении существования угрозы религиозной безопасности для себя, своей веры и веры своей семьи. Эти данные и наличие таких проявлений негативного отношения к вере, как убийства на религиозной и национальной почве, свидетельствуют о наличии религиозных экстремистских настроений и действий в Нижнем Поволжье. Половина опрошенных заявила о наличии в регионе негативного отношения к вере в разных формах. Этот факт и неоднозначное (от 9,8% до 13,5%) и негативное отношение к конституционному принципу светскости (от 5,0% до 7,7%) свидетельствуют о внутреннем принятии радикальных, антиконституционных действий.

Для выявления уровня распространения религиозного экстремизма особую важность имеет выявление отношения к насилию и убийству людей. Исследование показало, что около 4% опрошенных допускают применение насилия при нарушении справедливости в отношении их веры. Самым ярким показателем уровня распространённости религиозных экстремистских настроений является отношение к убийству людей как священному действию. Таких в ходе исследования выявлено 0,5% от опрошенных.

Заключение.

Низкие показатели не должны создавать иллюзии благополучности ситуации с настроениями религиозного экстремизма в Нижнем Поволжье. Как светским

властям, так и религиозным организациям необходимо уделять внимание пропаганде самоценности конституционного принципа светскости, который является основой коммуникационных практик в современной России. Предстоит и серьёзная работа по неприятию насилия в межконфессиональных спорах и убийства людей на религиозной основе.

Библиография/References:

1. Дробижева Л.М. Потенциал благоприятных отношений в областях Приволжского региона (по результатам социологического исследования) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 3. – С. 64–72.

2. Иерусалимцева О.В. Выявление потенциально опасных лиц в образовательной организации с помощью технологии «профайлинг» // Вестник Национального антитеррористического комитета. – 2019. – № 2. – С.54-56.

3. Кашироков З.К., Уначев А.Х. Об опыте работы антитеррористической комиссии в Кабардино-Балкарской Республике по организации адресной профилактической работы с категорией лиц, наиболее подверженных идеологии терроризма // Вестник Национального антитеррористического комитета. – 2018. – № 2. – С. 25– 29.

4. Косяченко В.И., Жуланов А.В. Особенности организации и проведения мероприятий по выявлению, обезвреживанию и ликвидации террористов-смертников // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2016. – № 2. – С. 127– 132.

5. Кудрявцев А.В., Рузевич О.Р. Особенности выявления и предупреждения преступлений экстремистской направленности // Вестник Национального антитеррористического комитета. – 2016. – № 2. – С. 104– 107.

6. Кудряшова И.В. Религия и подъем «религиозной волны» современного терроризма // Российская общественно-гуманитарная наука перед вызовами современности: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции / под ред. В.С. Слобожниковой, И.В. Суслова. – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019. – С. 113– 121.

7. Расторгуев С.В. Экстремизм в молодежной среде современной России: Виды, факторы распространения, мягкие технологии профилактики // Политическая наука. – 2018. – № 4. – С. 124-145.

8. Рыжова С.В. Этноконфессиональная идентичность и формирование религиозных политических ориентаций // Социологические исследования. – 2015. – № 10. – С. 136– 144.

9. Слобожникова В.С. Концептуализация угроз религиозной безопасности в исследовательских практиках современной России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2019. – № 6. – С. 255– 261.

10.Хохлов И.И. Социетальная теория терроризма: Социально- экономические и психологические предпосылки формирования паттернов террористического поведения // Политическая наука. – 2018. – № 4. – С. 34– 53.

1. Drobizheva, L.M. (2015) Potentsial blagopriiatnykh otnoshenii v oblastiakh Privolzhskogo regiona (po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniia) [Potential of favorable relations in the regions of the Volga region (based on the results of a sociological study)] // Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki [University proceedings. Volga region. Social sciences]. – № 3. – P. 64–72. (In Russ.)

2. Ierusalimtseva, O.V. (2019) Vyiavlenie potentsial'no opasnykh lits v obrazovatel'noi organizatsii s pomoshch'iu tekhnologii «profailing» [Identification of potentially dangerous individuals in an educational organization using the "profiling" technology] // Vestnik Natsional'nogo antiterroristicheskogo komiteta [Bulletin of the National anti-terrorist Committee]. – № 2. – P. 54-56. (In Russ.)

3. Kashirokov, Z.K., Unachev, A.Kh. (2018) Ob opyte raboty antiterroristicheskoi komissii v Kabardino-Balkarskoi Respublike po organizatsii adresnoi profilakticheskoi raboty s kategoriei lits, naibolee podverzhennykh ideologii terrorizma [On the experience of the anti-terrorist Commission in the Kabardino-Balkar Republic In organizing targeted preventive work with the category of persons most susceptible to the ideology of terrorism] // Vestnik Natsional'nogo antiterroristicheskogo komiteta [Bulletin of the National anti-terrorist Committee]. – № 2. – P. 25-29. (In Russ.)

4. Kosiachenko, V.I., Zhulanov, A.V. (2016) Osobennosti organizatsii i provedeniia meropriiatii po vyiavleniiu, obezvrezhivaniiu i likvidatsii terroristov-smertnikov [Features of the organization and conduct of activities to identify, neutralize and eliminate suicide bombers] // Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii [Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia]. – № 2. – P. 127-132. (In Russ.)

5. Kudriavtsev, A.V., Ruzevich, O.R. (2016) Osobennosti vyiavleniia i preduprezhdeniia prestuplenii ekstremistskoi napravlennosti [Features of detection and prevention of extremist crimes] // Vestnik Natsional'nogo antiterroristicheskogo komiteta [Bulletin of The national anti-terrorist Committee]. – № 2. – P. 104-107. (In Russ.)

6. Kudriashova, I.V. (2019) Religiia i pod"em «religioznoi volny» sovremennogo terrorizma [Religion and the rise of the "religious wave" of modern terrorism] // Rossiiskaia obshchestvenno-gumanitarnaia nauka pered vyzovami sovremennosti [Russian social and humanitarian science before the challenges of modernity]: sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii / pod red. V.S.

Slobozhnikovoi, I.V. Suslova. – Saratov: Izd-vo FGBOU VO «Saratovskaia gosudarstvennaia iuridicheskaia akademiia». – P. 113-121. (In Russ.)

7. Rastorguev, S.V. (2018) Ekstremizm v molodezhnoi srede sovremennoi Rossii: Vidy, faktory rasprostraneniia, miagkie tekhnologii profilaktiki [Extremism in the youth environment of modern Russia: Types, distribution factors, soft prevention technologies] // Politicheskaia nauka [Political science]. – № 4. – P. 124– 145. (In Russ.)

8. Ryzhova, S.V. (2015) Etnokonfessional'naia identichnost' i formirovanie religioznykh politicheskikh orientatsii [Ethno-Confessional identity and formation of religious political orientations] // Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological research]. – № 10. – P. 136– 144. (In Russ.)

9. Slobozhnikova, V.S. (2019) Kontseptualizatsiia ugroz religioznoi bezopasnosti v issledovatel'skikh praktikakh sovremennoi Rossii [Conceptualization of threats to religious security in research practices of modern Russia] // Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi iuridicheskoi akademii [Bulletin of the Saratov State Law Academy]. – № 6. – P. 255– 261. (In Russ.)

10.Khokhlov, I.I. (2018) Sotsietal'naia teoriia terrorizma: Sotsial'no- ekonomicheskie i psikhologicheskie predposylki formirovaniia patternov terroristicheskogo povedeniia [Societal theory of terrorism: Socio - economic and psychological prerequisites for the formation of patterns of terrorist behavior] // Politicheskaia nauka [Political science]. – № 4. – P. 34– 53. (In Russ.)